Коллоквиумы по истории древнего мира. Ч.II. Греция и Рим

[Stable URL: http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/301]

[Публикация работы:]
2011: Коллоквиумы по истории древнего мира. Ч.II. Греция и Рим. Методические указания по самостоятельной подготовке для студентов I курса бакалавриата направления «История» / В.В. Дементьева и др. (сост.). Ярославль.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Научно-образовательный Центр антиковедения

КОЛЛОКВИУМЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА. Ч.II. ГРЕЦИЯ И РИМ

Тема I. МИНОЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Методические указания по самостоятельной подготовке для студентов I курса бакалавриата направления «История»

Составитель Т.В. Григорюк

Ярославль 2011

STATIO ANTIQVITATIS

Тема I. МИНОЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

1. **Открытие минойской цивилизации и её изучение в XX в. Периодизация истории древнего Крита.**
2. **Минойский Крит в додворцовый и раннедворцовый периоды.**
3. **Период новых дворцов. Проблема «минойской талассократии». Гибель минойской цивилизации.**
4. **Минойская культура.**

Основная учебная литература:

1. История Древней Греции: Учеб. / Ю.В. Андреев, Г.А. Кошеленко, В.И. Кузищин, Л.П. Маринович; Под ред. В.И. Кузищина. М., 2003. С. 40-54.
2. Ляпустин Б.С., Суриков И.Е. Древняя Греция. Учеб. пособие для вузов. М., 2007. С. 55-80.

Дополнительная литература:

1. Андреев Ю.В. «Минойский матриархат»: социальные роли мужчины и женщины в общественной жизни минойского Крита // ВДИ. 1992. №2.
2. Андреев Ю.В. Минойская тавромахия в контексте критского цикла мифов // Μουσειον. СПб., 1997.
3. Андреев Ю.В. Островные поселения Эгейского моря в эпоху бронзы. Л.: Наука, 1989.
4. Андреев Ю.В. От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III - начало II тыс. до н.э.). СПб., 2002.
5. Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат, 1990.
6. Андреев Ю.В. Эгейский мир в преддверии цивилизации // Вестник древней истории. 1995. №1.
7. Борухович В.Г. Территория Эллады и Египет в древнейший период (III – середина II тысячелетия до н.э.) // Учён. зап. Горьк гос. ун-та. Серия историческая, вып 67.
8. Дэбни М.К. Формирование государства на доисторическом Крите // ВДИ. 1994. №4.
9. Молчанов А.А. Государственно-политическое устройство минойского Крита по данным античной мифолого-исторической традиции // ВДИ. 1983. №3.
10. Молчанов А.А. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тыс. до н. э. 2000.
11. Молчанов А.А. Ю.В. Андреев и дискуссия об Эгейской культуре на страницах Вестника древней истории // ВДИ. 2003. №4.
12. Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950.
13. Петерс Б.Г. О морском деле в Эгейском мире // История и культура античного мира. М., 1977.
14. Струве В.В. Общественный строй древнего Крита // ВДИ. 1950. №4.
15. Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
16. Эванс А. Критское линейное письмо // ВДИ. 1939. №3.

STATIO ANTIQVITATIS

17.Эгейское искусство: альбом. М., 1972.

1. **Открытие минойской цивилизации и её изучение в XX в. Периодизация истории древнего Крита.**

Артур Эванс, его основные археологические находки. Труд «Дворец Миноса в Кноссе». Джон Пендлбери («Археология Крита»), его роль в исследованиях критских древностей. Расшифровка линейного письма «В» Майклом Вентрисом и Джоном Чедвиком. Спиридон Маринатос, раскопки на о. Фера. Гиперкритический подход в историографии к данным античной исторической традиции, работы Юрия Викторовича Андреева, их основные положения. Критика гиперкритического подхода (Аркадий Анатольевич Молчанов).

Различные подходы к периодизации истории древнего Крита. Различные датировки в рамках одинаковых подходов.

2. **Минойский Крит в додворцовый и раннедворцовый периоды.**

Экономическое развитие Крита в додворцовый период. Использование меди, ремесло, торговля. Догосударственная социальная организация.

Экономические изменения рубежа III-II тыс. до н.э. Переход к бронзе, развитие ремесла, торговых связей. Развитие имущественного неравенства в обществе, социальная стратификация. Возникновение ранних дворцов, их роль в экономике Крита. Развитие городов. Социальная группа «мноитов».

Формирование государства на Крите, различные взгляды в историографии на этот процесс. Этнический состав населения Крита. Реконструкции политической системы Крита. «Ранние дворцы» как центры бюрократии и власти.

3. **Период новых дворцов. Проблема «минойской талассократии». Гибель минойской цивилизации.**

Социально-экономическое развитие. «Новые дворцы» в социально-экономической организации общества. Расцвет торговли и ремесла. Роль «вилл» в экономике. Развитие морского дела и мореплавания. Постепенное угасание экономической жизни к концу позднеминойского периода.

Возникновение «новых дворцов», изменения в политической организации общества. «Минойский матриархат». Расширение экспансии Крита. Проблема «минойской талассократии» (дайте определение талассократии, назовите основные направления экспансии Крита, ее характер). Взаимоотношения Крита с островами Эгейского моря, материковой Грецией. Своеобразие развития Кикладских островов. Поселение Акротири на о. Фера. Гибель минойской цивилизации: основные теории. Угасание могущества Крита.

4. **Минойская культура.**

Минойское искусство. Керамика (стиль «Камарес», «дворцовый стиль»), живопись (фрески в Кноссе, на острове Фера), архитектура (дворцы, жилые дома).

Религия древнего Крита. Культ быка – его истоки, проявления. Культ «богини-матери» – истоки культа, распространение на Крите. Проблема че-

STATIO ANTIQVITATIS

ловеческих жертвоприношений. Доолимпийские боги (Зевс, Артемида, Дионис и др.). Лабрис.

Развитие письменности (иероглифическое письмо, линейное письмо «А», линейное письмо «В»). Памятники минойской письменности (Фестский диск, секира из Аркалохори, критские печати)

Особенности искусства Кикладских островов.

Памятники минойской культуры, которые необходимо узнавать визуально:

- фрески Кносского дворца («Фреска с дельфинами», «Парижанка», «Царь-жрец», «Игры с быками»);
- фрески из Акротири («Собиратели шафрана», «Рыбак», «Боксеры»)
- общий тип минойских печатей;
- общий тип кикладских «идолов»;
- Фестский диск .

ФРАГМЕНТЫ ИСТОЧНИКОВ ПО ТЕМЕ «МИНОЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Внимательно прочитайте приведенные источники, сравните содержащиеся в них сведения. По мере чтения обращайте внимание ***на противоречия между источниками,*** а также на взаимные дополнения.

Фукидид, История, I. 4,8. В труде греческого историка, посвященном Пелопоннесской войне, дается краткий экскурс в историю Греции, в том числе рассказывается о Миносе и его державе.

(I.4) Как нам известно из предания, Минос первым из властителей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря. Он стал владыкой Кикладских островов и первым основателем колоний на большинстве из них и, изгнав карийцев, поставил там правителями своих сыновей. Он же начал и истреблять морских разбойников, чтобы увеличить свои доходы, насколько это было в его силах.
…
(I.8) Но разбойниками были островитяне — карийцы и финикияне, поселения которых находились на большинстве островов. Вот доказательство этого. Когда афиняне в эту войну произвели очищение Делоса и все гробницы были увезены с острова, то свыше половины покойников оказалось карийцами: их опознали по оружию, погребенному вместе с ними, и по способу захоронения, существующему у них и поныне. После установления морского господства Миноса мореходство стало более оживленным, ибо Минос, изгнав разбойников, заселил большую часть находившихся под их властью островов. И некоторые приморские жители, которые теперь стали зажиточнее и сидели более прочно на земле (Как это и естественно у людей, которые стали жить богаче), окружили свои города стенами. Стремление к экономической выгоде побуждало более слабые города терпеть политическую зависимость от более сильных, а могущественные, пользуясь своим богатством, подчиняли себе малые. Хотя эллинские города уже давно пребывали в таком состоянии, но в поход под Трою они выступили лишь спустя много времени.

Перевод Г.А. Стратановского

Геродот, История, I. 171. Небольшой экскурс Геродота (который сам по происхождению был эллинизированным карийцем) в историю карийцев.

Карийцы пришли на материк с островов. В глубокой древности они были подвластны Миносу, назывались лелегами и жили на островах. Впрочем, лелеги, по преданию, насколько можно проникнуть в глубь веков, не платили Миносу никакой дани. Они обязаны были только поставлять по требованию гребцов для его кораблей. Так как Минос покорил много земель и вел победоносные войны, то и народ карийцев вместе с Миносом в те времена был самым могущественным народом на свете.

Перевод Г.А. Стратановского

Вопрос по текстам источников:

1. Сравните тексты Фукидида и Геродота. Какие противоречия можно выявить между ними? Можно ли попытаться как-то объяснить их?

STATIO ANTIQVITATIS

Псевдо-Аполлодор, Мифологическая библиотека, III. 1-3; 15. 7-9; Эпитома I. 7-15. В труде, приписываемом Аполлодору Афинскому (II век до н.э.), но созданному, очевидно, не ранее середины I века до н.э., собраны греческие мифы и легенды, в том числе мифы т.н. «критского цикла».

(III. 1.) После того как мы рассказали историю рода Инаха, начиная от Бела и кончая Гераклидами, перейдем сразу же к истории рода Агенора. Как уже было сказано, Ливия родила от Посейдона двух сыновей, Бела и Агенора. Бел, правивший египтянами, породил на свет тех, о которых говорилось выше; Агенор же, прибыв в Финикию, женился на Телефассе, и у него родились дочь Европа и сыновья Кадм, Фойник и Килик. Некоторые, впрочем, утверждают, что Европа была дочерью не Агенора, а Фойника. Влюбившийся в нее Зевс превратился в смирного быка, и дав Европе усесться ему на спину, поплыл с ней на остров Крит. После того как Зевс разделил там с ней ложе, она родила Миноса, Сарпедона и Радаманта. Однако Гомер утверждает, что Сарпедон был сыном Зевса и Лаодамии, дочери Беллерофонта.

После исчезновения Европы отец ее Агенор послал своих сыновей на поиски, приказав им, чтобы они не возвращались, пока не отыщут Европу. Вместе с ними отправилась на поиски и мать Европы Телефасса, а также Фасос, сын Посейдона (а как утверждает Ферекид, сын Килика). После длительных поисков они убедились, что отыскать Европу невозможно, и, отказавшись от возвращения домой, поселились в разных местах: Фойник — в Финикии, а Килик выбрал место поблизости от Финикии, назвав всю покоренную им землю в области реки Пирама Киликией. Кадм же и Телефасса поселились во Фракии, а Фасос также во Фракии, основав там город Фасос.

(2) На Европе женился Астерий, повелитель критян, и воспитал рожденных ею от Зевса детей. Когда сыновья Европы выросли, между ними возникло соперничество: они все воспылали любовью к юноше, которого звали Милет. Это был сын Аполлона и Ареи, дочери Клеоха. Так как юноша отдавал предпочтение Сарпедону, Минос начал войну, в которой одержал победу. Побежденные вынуждены были спасаться бегством, и Милет, высадившийся в области Карии, основал там город, который назвал по своему имени Милетом. Сарпедон же заключил союз с Киликом, который вел войну против ликийцев, на условии, что ему будет предоставлена часть завоеванной земли: таким образом, Сарпедон воцарился в Ликии. Зевс дал ему пережить три поколения людей. Но некоторые говорят, что Сарпедон влюбился в Атимния, сына Зевса и Кассиопеи, и война началась из-за него.

Радамант же дал островитянам законы, но затем бежал в Беотию и женился там на Алкмене. После смерти он вместе с Миносом чинит суд в Аиде. Минос, который стал жить на Крите, написал законы для критян. Женившись на Пасифае, дочери Гелиоса и Персеиды, или же, как говорит Асклепиад, на Крите, дочери Астерия, он породил сыновей Катрея, Девкалиона, Главка и Андрогея и дочерей Акаллу, Ксенодику, Ариадну и Федру; от нимфы Парейи у него родились Эвримедонт, Нефалион, Хрис и Филолай и от Декситеи — Эвксантий.

(3) После того как Астерий умер бездетным, Минос захотел стать царем Крита, но встретил сопротивление. Однако он стал утверждать, что царскую власть должен получить по воле богов; желая придать своим словам больше убедительности, он заявил, что любая его просьба к богам непременно исполнится. Когда Минос приносил жертву богу Посейдону, он взмолился о том, чтобы из глубин моря появился бык, и дал при этом обет принести его в жертву богу. Посейдон выслал для него прекрасного быка, и Минос получил цар-

скую власть; но быка он отослал на пастбище, а вместо него в жертву богу принес другого. Минос первым захватил власть над морем и стал править почти всеми островами.

(4) Посейдон же, разгневанный тем, что Минос не принес ему в жертву того быка, наслал на быка свирепость и внушил любовную страсть к этому животному жене Миноса Пасифае. Влюбившись в этого быка, она взяла себе в помощники строителя Дедала, который был изгнан из Афин после совершенного там убийства. Дедал изготовил деревянную корову на колесах, выдолбил ее изнутри и обшил свое изделие свежесодранной коровьей шкурой. Выставив его на луг, где обычно пасся бык, он дал войти внутрь этой деревянной коровы Пасифае. Появившийся бык сошелся с ней, как с настоящей коровой, и Пасифая родила Астерия, прозванного Минотавром. Он имел голову быка, все же остальные части тела у него были человеческие. Минос заключил его в лабиринт, поступив так согласно полученным им оракулам, и приказал его там стеречь. Этот лабиринт, который соорудил Дедал, представлял собой здание с запутанными переходами, затруднявшими выход из него. Но обо всем, что касается Минотавра, Андрогея, Федры и Ариадны, мы расскажем в том месте, где речь пойдет о Тесее.

…

(III. 3. 1) У Девкалиона родились Идоменей, Крита и побочный сын Мол. Главк же, будучи еще ребенком, гоняясь за мышью, упал в бочку с медом и погиб. Когда Главк исчез, Минос стал его повсюду искать. Он обратился к гадателям, и куреты ответили ему, что среди его стад бродит трехцветная корова и тот человек, который подыщет наилучшее сравнение для определения цвета этой коровы, сумеет вернуть ему сына живым. Созвали гадателей, и Полиид, сын Койрана, сравнил цвет шкуры этой коровы с плодом ежевики. Его заставили отправиться на поиски Главка, и он нашел его, применив средства гадания. Но Минос потребовал, чтобы тот вернул его сына к жизни, и заключил его вместе с трупом сына в темницу.

Оказавшись в великом затруднении, Полиид вдруг увидел змею, подползающую к трупу. Бросив в нее камень, он убил ее, опасаясь, что и ему не выжить, если что-нибудь случится с телом Главка. Но тут подползла другая змея и, увидев первую змею мертвой, уползла. Затем она вернулась, принеся с собой целебную траву и стала покрывать ею все тело убитой. Как только она это сделала, змея ожила. Пораженный увиденным, Полиид приложил эту же самую траву к телу Главка и воскресил его.

…

(III. 15. 7-9) …Эгей, вернувшись в Афины, устроил Панафинейские состязания, в которых сын Миноса Андрогей одержал победу над всеми. Эгей тогда отправил его на охоту за Марафонским быком, и бык его убил. Некоторые, однако, сообщают, что Андрогей отправился в Фивы, чтобы принять участие в состязаниях, устроенных в честь Лаия, и был там убит завидовавшими ему участниками состязаний, устроившими засаду.

Когда известие о смерти сына принесли Миносу, он совершал в это время жертву богиням Харитам на острове Паросе. Сорвав с головы венок, Минос бросил его на землю и дал знак флейтистам прекратить игру. Жертвоприношение он, однако, совершил, согласно всем требованиям обряда. По этой причине до настоящего времени на острове Паросе приносят жертвы богиням Харитам без музыки и венков.

STATIO ANTIQVITATIS

(8) Господствуя на море, Минос вскоре направил свой флот против Афин, захватил Мегары, где тогда царствовал Нис, сын Пандиона, и убил Мегарея, сына Гиппомена, который прибыл из Онхеста на помощь Нису. Погиб и Нис, преданный своей дочерью. У него был посередине головы пурпурный волос, и оракул возвестил, что, если волос этот будет у него вырван, Нис погибнет. Но дочь Ниса Скилла, влюбившаяся в Миноса, вырвала этот волос. Минос, овладев Мегарами, привязал эту девушку к корме корабля за ноги и утопил ее.

Так как война затягивалась, Минос, не сумевший взять Афины, взмолился Зевсу, чтобы он отомстил афинянам. После этого в городе начался голод и мор. Афиняне вначале, повинуясь древнему оракулу, принесли в жертву дочерей Гиакинта Антеиду, Эглеиду, Литею и Ортею на могиле киклопа Гереста. Отец этих девушек Гиакинт поселился в Афинах, придя из Лакедемона. Когда же это не принесло никакой пользы, они вопросили оракул, как им избавиться от напасти. Бог ответил им, что они должны понести наказание от Миноса за совершенное ими преступление против него — такое, какое тот сам пожелает на них наложить. Тогда они отправили к Миносу послов, поручив им спросить, какое наказание захочет наложить на них Минос. Последний приказал афинянам посылать семь юношей и семь девушек без оружия на съедение Минотавру, который был заперт в лабиринте. Вошедшему в лабиринт было очень трудно из него выбраться: запутанные переходы не давали возможности отыскать неведомый выход. Соорудил лабиринт Дедал, сын Эвпалама, сына Метиона и Алкиппы. Он был искуснейшим строителем и первым изобрел искусство ваяния. (9) Дедал бежал из Афин вследствие того, что он сбросил с вершины акрополя Талоса, сына своей сестры Пердики, который был его учеником: Дедал боялся, что этот ученик превзойдет его в искусстве (Талос, найдя челюсть змеи, распилил ею очень тонко дерево). Уличенный в убийстве, Дедал был судим в судилище ареопага и, признанный виновным, бежал из Афин к Миносу. Когда Пасифая влюбилась в Посейдонова быка, Дедал изготовил для нее деревянную корову; он же соорудил лабиринт, куда афиняне каждый год доставляли семь юношей и столько же девушек на съедение Минотавру.

…

(Эпитома. I. 7-15) Тесея причисляют к тем, кого отдавали на съедение Минотавру, когда эту дань платили в третий раз. Но, как сообщают некоторые, Тесей предложил себя по собственной воле. На корабле был поднят черный парус, и Эгей наказал сыну, чтобы он, одержав победу над чудовищем, поднял на корабле белые паруса. (8) Когда он прибыл на Крит, в него влюбилась Ариадна, дочь Миноса, и сказала, что будет помогать Тесею, если он согласится взять ее в жены и увезти в Афины. Тесей согласился, подтвердив клятвой свое согласие, и тогда она попросила Дедала показать, как можно выйти из лабиринта. (9) По совету Дедала она дала Тесею, вошедшему в лабиринт, нитку. Тесей привязал ее к двери и стал тянуть нить за собой, двинувшись вглубь. Найдя Минотавра в самой отдаленной части лабиринта, Тесей набросился на него с кулаками и убил его; держась за нить, он вышел обратно наружу. Ночью вместе с Ариадной и афинскими детьми он высадился на острове Наксосе. Но там влюбившийся в Ариадну Дионис похитил ее и, доставив ее на остров Лемнос, сошелся с ней. От него она родила Тоанта, Стафила, Ойнопиона и Пепарета.

(10) Огорченный утратой Ариадны, Тесей выплыл в море, забыв натянуть на корабле белые паруса. Эгей, увидев с акрополя корабль, плывущий под черным парусом, счел Тесея погибшим, кинулся вниз и погиб. (11) Тесей же унаследовал от Эгея царскую власть и убил сыновей Палланта, которых было пятьдесят. Точно так же были им перебиты все, кто пытался выступить против него, и всю власть он сосредоточил в своих руках.

STATIO ANTIQVITATIS

(12) Минос, узнав о бегстве Тесея и его спутников, запер Дедала, виновного в этом, вместе с его сыном Икаром (которого родила Дедалу рабыня Миноса Навкрата) в лабиринте. Но Дедал изготовил крылья для себя и для сына, наказав поднявшемуся в воздух Икару не подниматься слишком высоко, чтобы клей, которым были соединены перья, не расплавился под лучами солнца, и не опускаться слишком низко к морю, чтобы крылья не распались под влиянием сырости.

(13) Икар, однако, пренебрег советами отца и, увлеченный полетом, поднимался все выше. Клей расплавился, и Икар погиб, упав в море, по его имени названное Икарийским. Дедал же благополучно завершил перелет и прибыл в сицилийский Камик. (14) Минос, преследуя Дедала и разыскивая его по всем странам, привозил с собой закрученную спиралью раковину, обещая выдать большую награду тому, кто сумеет продеть сквозь эту раковину нить. С ее помощью он надеялся отыскать Дедала. Прибыв в сицилийский Камик ко двору Кокала, у которого скрывался Дедал, Минос показал ему эту раковину. Кокал взял ее, пообещав продеть нитку, и отдал ее Дедалу. (15) Тот привязал нить к муравью и, проделав в раковине дыру, дал муравью пройти через нее. Когда Минос увидел, что нить продета через раковину, он сразу понял, что Дедал находится у Кокала, и стал требовать его выдачи. Кокал пообещал это и продолжал оказывать Миносу внимание, как гостю. Но, когда дочери Кокала купали Миноса в ванне, он скончался. Как рассказывают некоторые, Минос погиб оттого, что его облили кипящей водой.

Перевод В.Г. Боруховича.

Вопрос по тексту источника:

1. Какие наблюдения о минойской религии, священных символах критян можно сделать на основе мифов? Соотнесите информацию мифов с изученным археологическим материалом.

Диодор Сицилийский, Историческая библиотека, IV. 60, 2-4; IV.62I, 1; V. 78-80. Греческий автор I века до н.э. Диодор Сицилийский в своем труде, получившим название «Историческая библиотека» - своеобразной «всеобщей истории» - затрагивает и древнейшую историю Крита.

(IV. 60. 2-4) Тектам, сын Дора, внук Эллина и правнук Девкалиона, переправился на Крит во главе эолийцев и пеласгов и стал царем острова. Он женился на дочери Крефея, которая родила ему Астерия. Во время царствования последнего на Крите, Зевс, похитив в Финикии Европу и перевезя ее на Крит верхом на быке, сочетался с ней, и та родила трех сыновей – Миноса, Радаманфа и Сарпедона. (3) После этого Европа стала женой Астерия, царя Крита, который, будучи бездетным, усыновил сыновей Зевса, а затем и передал им по наследству царскую власть. Радаманф составил для критян законы, а Минос унаследовал царскую власть и женился на Итоне, дочери Ликтия которая родила ему Ликастия. Последний, унаследовав царство, женился на Иде, дочери Корибанта, и та родила ему Миноса Второго, которого некоторые считают сыном Зевса. Этот Минос первым из эллинов создал мощный флот и установил господство на море. (4) Он женился на Пасифае, дочери Гелиоса и Криты, и та родила ему Девкалиона, Катрея, Андрогея и Ариадну. Кроме того, у Миноса было много других незаконнорожденных детей.

…

STATIO ANTIQVITATIS

(IV. 62. 1) Девкалион, старший сын Миноса, став царем Крита и заключив союз с Афинами, выдал свою сестру Федру замуж за Тесея.

…

(V. 78-80) (1) Много поколений спустя после рождения богов на Крите появилось и немало героев, самыми прославленными из которых были Минос, Радаманф и Сарпедон. Миф называет их сыновьями Зевса и Европы, дочери Агенора, которая по воле богов прибыла на Крит верхом на быке. (2) Старший [из братьев] Минос стал царем острова, основав на нем немало городов, самые прославленные из которых три – Кносс, в той части острова, которая обращена к Азии, Фест, расположенный на юге у моря, и Кидония на западе, напротив Пелопоннеса. (3) Минос дал критянам также немало законов, объявив, что якобы получил их от отца своего Зевса, встречаясь с ним для бесед в какой-то пещере. Он также создал многочисленный военный флот, подчинил большинство островов и первым из эллинов установил господство на море. (4) Обретя великую славу благодаря мужеству и справедливости, он погиб на Сицилии в походе против Кокала, на чем мы останавливались подробно, рассказывая о Дедале, ставшем виновником этого похода.
79. (1) Радаманф, как говорят, вершил самый справедливый суд, назначая для разбойников, нечестивцев и прочих преступников беспощадную кару. Он овладел множеством островов и обширной областью в приморской части Азии, причем тамошние жители добровольно перешли под власть Радаманфа, прослышав о его справедливости. Одному из своих сыновей, Эрифру, он передал царскую власть над получившими от последнего свое имя Эрифрами, Хиос отдал Энопиону, сыну Ариадны, дочери Миноса, мифы о котором гласят, что он был сыном Диониса и научился от отца искусству виноделия. (2) Каждому из бывших при нем вождей Радаманф отдал в дар какой-нибудь город или остров: Фоанту – Лемнос, Эниею – Кирн, Стафилу - Пепареф, Эванфу – Маронею, Алкею – Парос, Аниону – Делос, Андрею – названный его именем Андрос. Миф гласит, что по причине своей исключительной справедливости Радаманф стал судьей в аиде, где отделяет праведников от грешников. Той же чести удостоился и Минос, потому как царствовал он в полнейшем согласии с законами и весьма заботился о справедливости.
(3) О третьем из братьев Сарпедоне рассказывают, что он отправился с войском в Азию и овладел землями вокруг Ликии. Царскую власть над Ликией унаследовал его сын
Эвандр, который женился на Деидамии, дочери Беллерофонта, и та родила ему Сарпедона, участвовавшего [с Агамемноном] в походе против Трои, некоторые называют его сыном Зевса. (4) У Миноса были сыновья Девкалион и Мол. Сыном Девкалиона был Идоменей, а сыном Мола – Мерион, которые отправились вместе с Агамемноном против Илиона во главе девяноста кораблей, благополучно возвратились затем на родину и удостоились после смерти пышного погребения и почестей, подобающих бессмертным. В Кноссе показывают их гробницу с надписью:

Кносского Идоменея гробницу узри. С ним покоюсь
Рядом и я – Мерион, коему Мол был отцом.

Критяне особо чтут этих прославленных героев, принося им жертвы и считая их покровителями во время войны. 80. (1) Рассмотрев все это подробно, упомянем о племенах, смешавшихся с критянами. Итак, первыми жителями острова были так называемые этеокритяне, которых считают автохтонами, о чем мы уже говорили выше. После них, много поколений спустя на Крит прибыли скитавшиеся в непрестанных походах и переселениях пеласги, которые заняли часть острова. (2) Третьим племенем, прибывшим на Крит, были дорийцы под предводительством Тектама, сына Дора. Большая часть этого народа, как говорят, собралась из окрестностей Олимпа, однако некоторую часть составляли обитавшие в Лаконии ахейцы, поскольку Дор отправился в поход из мест у Малеи. Четвертый народ,

переселившийся на Крит, представлял собой смешение варваров, с течением времени уподобившихся языком тамошним эллинам. (3) Впоследствии достигшие могущества Минос и Радаманф объединили обитавшие на острове племена в единое целое. И, наконец, после возвращения Гераклидов аргосцы и лакедемоняне отправили переселенцев, которые утвердились на некоторых других островах, а также овладели рядом городов на этом острове и поселились в них, о чем мы расскажем подробнее, описывая соответствующие времена. (4) Поскольку большинство авторов, писавших историю Крита, противоречат друг другу, неудивительно, что и наш рассказ имеет некоторые отличия от прочих. Здесь мы следовали тем, чье изложение в большей степени отличается достоверностью и убедительностью, полагаясь иногда на автора божественных историй Эпименида, иногда – на Досиада, Сосикрата или Лаосфенида.

Перевод В.М. Строгецкого

Страбон, География, X. 4. 6-9. Страбон (ок. 64 до н.э. – ок. 24 н.э.) оставил наиболее сохранившийся до наших дней труд по античной географии. Помимо географических описаний автор делает экскурсы в историю и мифологию.

Разные смешаны там языки, —

говорит Гомер,

…там находишь ахеян
С первоплеменной породой воинственных критян, кидонов
И разделенных на три колена дорийцев, племя пеласгов.

(Од. XIX, 175)

По словам Стафила, из этих племен дорийцы занимали восточную часть острова, западную — кидонцы, а южную — этеокритяне. Этеокритянам принадлежит городок Прас, где находится святилище Диктейского Зевса. Остальные племена, более могущественные, обитали на равнинах. Вероятно, этеокритяне и кидонцы были исконными обитателями, а прочие — пришельцами, прибывшими, по словам Андрона, из Фессалии, из той ее части, которая прежде называлась Доридой, а теперь Гестиеотидой. ...

7. На Крите есть несколько городов; самых больших и знаменитых 3: Кносс, Гортина и Кидония. Особенно прославляет Кносс Гомер (называющий его «великим» и «столицей Миноса»), а также позднейшие писатели. Действительно, город долгое время был первым по могуществу на острове; впоследствии он потерял свое значение, лишившись многих законных преимуществ, и его слава перешла к Гортине и Ликту. Позднее Кносс вернул свое прежнее достоинство метрополии. Город лежит на равнине, его старая окружность составляет 30 стадий между областями Ликта и Гортины; от Гортины город находится в 200 стадиях и в 120 — от Литта, который Гомер называет Ликтом. От северного моря Кносс лежит в 25 стадиях, Гортина же отстоит от Ливийского моря на 90 стадий, а сам Ликт — на 80 стадий. У Кносса есть корабельная стоянка — Гераклей.

8. Минос, как говорят, пользовался в качестве корабельной стоянки Амнисом, где находится святилище Илифии. В прежние времена Кносс назывался Кератом — одним именем с протекающей мимо него рекой. История изображает Миноса прекрасным законодателем и первым, кто достиг господства на море; он разделил остров на 3 части и в каждой основал город; Кносс в […] против Пелопоннеса. И этот город лежит к северу. По словам Эфора, Минос подражал какому-то древнему Радаманфу, человеку весьма справедливому, носившему одно имя с братом Миноса; Радаманф впервые, как думают, циви-

STATIO ANTIQVITATIS

лизовал этот остров, установив законы, объединив города под властью одной метрополии и дав им государственные установления; причем он утверждал, что все обнародованные свои решения он получает от Зевса. В подражание Радаманфу Минос, по-видимому, каждый девятый год отправлялся в горы в пещеру Зевса и, пробыв там некоторое время, возвращался с какими-то записанными распоряжениями, которые он выдавал за веления Зевса. Поэтому и Гомер говорит:

…Там царствовал Минос
Каждый девятый год собеседник великого Зевса.

(Од. X, 19)

Так говорит Эфор. Древние писатели сообщают другие сведения о Миносе, противоречащие этим словам: Минос был самовластным владыкой, применял насилия и облагал народ данью. Причем эти писатели изображали в трагедиях истории о Минотавре и Лабиринте, приключения Фесея и Дедала.

9. Как обстояло дело в действительности, сказать трудно. Есть еще другое сказание, содержащее противоречия с этими, по которому одни считают Миноса чужеземцем, а другие — местным жителем острова. Гомер, как кажется, склоняется более к последнему взгляду, когда говорит:

Он, Громовержец, Миноса родил, охранителя Крита.

(Ил. XIII, 451)

Что касается Крита, то все писатели согласны с тем, что в древности остров имел хорошие законы и что лучшие из греков, в первую очередь лакедемонцы, стали в этом отношении его подражателями…

Перевод Г. А. Стратановского

Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Тесей, 15-20. В «биографии» легендарного афинского царя и героя Тесея автор «Сравнительных жизнеописаний» (I-II вв.) касается также и критского цикла мифов.

15. Немного спустя с Крита в третий раз приехали за данью. Когда после коварного, по общему убеждению, убийства Андрогея в Аттике, Минос, воюя, причинял афинянам неисчислимые бедствия, а боги разоряли и опустошали страну, — на нее обрушился недород и страшный мор, иссякли реки, — бог возвестил, что гнев небес успокоится и бедствиям наступит конец, если афиняне умилостивят Миноса и склонят его прекратить вражду, и вот, отправив послов с просьбой о мире, они заключили соглашение, по которому обязались каждые девять лет посылать на Крит дань — семерых не знающих брака юношей и столько же девушек. В этом согласны почти все писатели.

Если верить преданию, наиболее любезному трагикам, доставленных на Крит подростков губил в Лабиринте Минотавр, или же, по-другому, они умирали сами, блуждая и не находя выхода. Минотавр, как сказано у Эврипида, был

Пород смешенье двух, урод чудовищный

и:

16. Но, по словам Филохора, критяне отвергают это предание и говорят, что Лабиринт был обыкновенной тюрьмой, где заключенным не делали ничего дурного и только караулили их, чтобы они не убежали, и что Минос устраивал гимнические состязания в память об Андрогее, а победителю давал в награду афинских подростков, до поры содержавшихся под стражею в Лабиринте. На первых состязаниях победил военачальник по имени Тавр, пользовавшийся тогда у Миноса величайшим доверием, человек грубого и дикого нрава, обходившийся с подростками высокомерно и жестоко. Аристотель в «Государственном устройстве Боттии» также совершенно ясно дает понять, что не верит, будто Минос лишал подростков жизни: они, полагает философ, успевали состариться на Крите, неся рабскую службу. Некогда критяне, исполняя старинный обет, отправили в Дельфы своих первенцев, и среди посланных были потомки афинян. Однако переселенцы не смогли прокормиться на новом месте и сначала уехали за море, в Италию; они прожили некоторое время в Иапигии, а затем, возвратившись, обосновались во Фракии и получили имя боттийцев. Вот почему, заканчивает Аристотель, боттийские девушки во время жертвоприношений иногда припевают: «Пойдемте в Афины!».

Да, поистине страшное дело — ненависть города, владеющего даром слова! В аттическом театре Миноса неизменно поносили и осыпали бранью, ему не помогли ни Гесиод, ни Гомер (первый назвал его «царственнейшим из государей», второй — «собеседником Крониона»), верх одержали трагики, вылившие на него с проскения и скены целое море хулы и ославившие Миноса жестоким насильником. А ведь в преданиях говорится, что он царь и законодатель, и что судья Радамант блюдет его справедливые установления.

17. Итак, подоспел срок отсылать дань в третий раз; родителям, у которых были не знавшие брака дети, приходилось, сообразно жребию, расставаться с сыновьями или дочерьми, и снова у Эгея пошли раздоры с согражданами, которые горевали и с негодованием сетовали на то, что виновник всех бедствий единственный свободен от наказания, что, завещав власть незаконнорожденному и чужеземцу, он равнодушно глядит, как они теряют законных отпрысков и остаются бездетными. Эти жалобы угнетали Тесея, и, считая своим долгом не держаться в стороне, но разделить участь сограждан, он сам, не по жребию, вызвался ехать на Крит. Все дивились его благородству и восхищались любовью к народу, а Эгей, исчерпав все свои просьбы и мольбы и видя, что сын непреклонен и неколебим, назначил по жребию остальных подростков. Гелланик, однако, утверждает, будто никакого жребия не метали, но Минос сам приезжал в Афины и выбирал юношей и девушек и в тот раз выбрал первым Тесея; таковы-де были условия, предусматривавшие также, что афиняне снаряжают корабль, на котором пленники вместе с Миносом плывут на Крит, не везя с собою никакого «оружия брани», и что конец возмездию положит смерть Минотавра.

Прежде у отправлявшихся не оставалось никакой надежды на спасение, поэтому на корабле был черный парус в знак неминуемого несчастья. Однако на этот раз Тесей ободрял отца гордыми уверениями, что одолеет Минотавра, и Эгей дал кормчему еще один парус, белый, и велел поднять его на обратном пути, если Тесей уцелеет, если же нет — плыть под черным, возвещая о беде. Симонид пишет, что Эгей дал не белый, а «пурпурный парус, окрашенный соком цветов ветвистого дуба», и это должно было знаменовать спасение. Вел судно Ферекл, сын Амарсиада, как сообщает Симонид. Но по словам Филохора, Тесей взял у Скира с Саламина кормчего Навсифоя и помощника кормчего Феака, поскольку афиняне тогда еще не занимались мореплаванием, а в числе подростков находился Менест, внук Скира. В пользу этого свидетельствуют святилища героев Навсифоя и

STATIO ANTIQVITATIS

Феака, воздвигнутые Тесеем в Фалерах подле храма Скира; в их же честь, заключает Филохор, справляется и праздник Кибернесии.

18. Когда метанье жребия было завершено, Тесей забрал тех, кому он выпал, и, пройдя из пританея в Дельфиний, положил за них пред Аполлоном масличную ветвь. То была ветвь со священного дерева, увитая белой шерстью. Помолившись, он спустился к морю. Все это происходило в шестой день месяца мунихиона, в который и ныне посылают в Дельфиний девушек с мольбою о милости. Говорят, что дельфийский бог повелел Тесею взять в путеводительницы Афродиту, и когда Тесей на берегу моря приносил ей в жертву козу, животное вдруг обернулось козлом; отсюда и прозвище богини — «Козлиная».

19. Прибывши на Крит, Тесей, как говорится у большинства писателей и поэтов, получил от влюбившейся в него Ариадны нить, узнал, как не заплутаться в извивах Лабиринта, убил Минотавра и снова пустился в плавание, посадив на корабль Ариадну и афинских подростков. Ферекид добавляет, что Тесей пробил дно у критских судов, лишив критян возможности преследовать беглецов. Более того, по сведениям, которые мы находим у Демона, пал военачальник Миноса Тавр, завязавший в гавани бой с Тесеем, когда тот уже снялся с якоря.

Но Филохор рассказывает все совершенно по-иному. Минос назначил день состязаний, и ожидали, что Тавр снова всех оставит позади. Мысль эта была ненавистна критянам: они тяготились могуществом Тавра из-за его грубости и вдобавок подозревали его в близости с Пасифаей. Вот почему, когда Тесей попросил разрешения участвовать в состязаниях, Минос согласился. На Крите было принято, чтобы и женщины смотрели игры, и Ариадну потрясла наружность Тесея и восхитила его победа над всеми соперниками. Радовался и Минос, в особенности — унизительному поражению Тавра; он вернул Тесею подростков и освободил Афины от уплаты дани.

По-своему, ни с кем не схоже, повествует об этих событиях Клидем, начинающий весьма издалека. По его словам, среди греков существовало общее мнение, что ни одна триера не должна выходить в море, имея на борту… сверх пяти человек. Лишь Ясон, начальник «Арго»… плавал, очищая море от пиратов. Когда Дедал на небольшом корабле бежал в Афины, Минос, вопреки обычаю, пустился в погоню на больших судах, но бурею был занесен в Сицилию и там окончил свои дни. Его сын Девкалион, настроенный к афинянам враждебно, потребовал выдать ему Дедала, в противном же случае грозился умертвить заложников, взятых Миносом. Тесей отвечал мягко и сдержанно, оправдывая свой отказ тем, что Дедал — его двоюродный брат и кровный родственник через свою мать Меропу, дочь Эрехтея, а между тем принялся строить корабли как в самой Аттике, но далеко от большой дороги, в Тиметадах, так и в Трезене, с помощью Питфея: он желал сохранить свои планы в тайне. Когда суда были готовы, он двинулся в путь; проводниками ему служили Дедал и критские изгнанники. Ни о чем не подозревавшие критяне решили, что к их берегу подходят дружественные суда, а Тесей, заняв гавань и высадившись, ни минуты не медля устремился к Кноссу, завязал сражение у ворот Лабиринта и убил Девкалиона вместе с его телохранителями. Власть перешла к Ариадне, и Тесей, заключив с нею мир, получил обратно подростков-заложников; так возник дружеский союз между афинянами и критянами, которые поклялись никогда более не начинать войну.

20. Обо всем этом, равно как и об Ариадне, ходит еще немало других преданий, ни в чем друг с другом не схожих. Одни говорят, будто Ариадна удавилась, брошенная Тесеем, иные — будто моряки увезли ее на остров Наксос, и там она разделяла ложе с Онаром, жрецом Диониса. Тесей же оставил ее, полюбив другую.

STATIO ANTIQVITATIS

Страсть пожирала его к Панопеевой дочери Эгле

гласит стих из Гесиода, который, по сообщению Герея Мегарского, вычеркнул Писистрат, подобно тому, как, стараясь угодить афинянам, приказал вставить в Гомерово «Заклинание мертвых» стих:

Славных, богами рожденных, Тесея царя, Пиритоя.

Иные же утверждают, что Ариадна родила от Тесея Энопиона и Стафила. В их числе и хиосец Ион, который говорит о своем родном городе:

Эйопион Тесеид град этот встарь основал.

Что же касается самого благоприятного для Тесея предания, то оно, с позволения сказать, навязло у всех на зубах. Но Пеон Амафунтский излагает его совершенно отлично от других. Тесея, говорит он, прибило бурею к Кипру, беременная Ариадна, измученная качкой, сошла на берег одна, а сам Тесей хлопотал на судне, как вдруг его снова понесло в открытое море. Местные женщины приняли Ариадну, старались рассеять уныние, в которое ее погрузила разлука, приносили подложные письма, якобы писанные ей Тесеем, оказали ей помощь и сострадали ее мукам во время родов, когда она умерла, так и не разрешившись от бремени, похоронили. Затем вернулся Тесей. Страшно опечаленный, он оставил местным жителям деньги и наказал им приносить Ариадне жертвы, а также воздвиг два маленьких ее изображения, одно серебряное, другое бронзовое. Во время празднества во второй день месяца горпиея кто-нибудь из молодых людей опускается на ложе и подражает стонам и движениям роженицы. Жители Амафунта называют рощу, где показывают могилу Ариадны, рощею Ариадны-Афродиты.

Некоторые писатели с Наксоса тоже по-своему передают историю Ариадны. Было якобы два Миноса и две Ариадны, из коих одна сочеталась браком с Дионисом на Наксосе и родила Стафила, а другая, младшая, была похищена Тесеем; покинутая им, она прибыла на Наксос вместе со своею кормилицей Коркиной, чья могила цела поныне. Там же, на Наксосе, умерла и Ариадна, и ей оказывают почести, не похожие на те, которыми чтут первую Ариадну: в память о старшей справляют веселый и радостный праздник, когда же приносят жертвы младшей, то они отличаются характером печальным и угрюмым.

Перевод С.П. Маркиша

Вопрос по тексту источника:

1. ***В чем особенность изложения Плутархом мифов критского цикла? (вопрос должен быть сформулирован более конкретно)***

Платон, Минос, или О законе. Философский диалог, приписываемый Платону, но написанный одним из его учеников, посвящен размышлениям о наилучшем законодательстве и Миносу, как легендарномуц автору критских законов.

Сократ и его друг
Сократ. Что именуем мы законом?

STATIO ANTIQVITATIS

Друг. О каком из законов ты спрашиваешь?
Сократ. Что же, разве закон может отличаться от другого закона по самой своей сущности в той мере, в какой он — закон? Посмотри же, чего я сейчас от тебя добиваюсь: я спрашиваю так же, как если бы спросил, что именуем мы золотом. И если бы ты подобным же образом меня переспросил, какое золото я имею в виду, полагаю, твой вопрос был бы неправомерен. Ведь золото от золота или камень от камня ничем не отличаются постольку, поскольку они суть золото или камень. В таком же смысле закон ничем не отличается от закона, но все законы между собою тождественны. Любой закон подобен другому, и ни один из них не бывает более или менее законом. Вот об этом-то я тебя и спрашиваю: что такое закон вообще? Если ты готов отвечать, скажи.
Друг. Но чем же иным может быть закон, мой Сократ, если не тем, что узаконено?
Сократ. Значит, по-твоему, и слово — это то, что говорится, и зрение — то, что видится, и слух — то, что слышится? Или же слово и то, что говорится,— это разные вещи, точно так же как различны между собою зрение и то, что видится, или слух и то, что слышится? Разве не разные вещи закон и то, что узаконено? Так ли ты считаешь или иначе?
Друг. Да, сейчас мне представилось, что это разные
вещи.
Сократ. Значит, закон — это не то, что узаконено?
Друг. Мне кажется, нет.
Сократ. Так что же все-таки такое закон? Давай рассмотрим это вот каким образом: если бы кто-то спросил нас по поводу сказанного сейчас: «Раз вы утверждаете, что видимое видится благодаря зрению, как же устроено то зрение, благодаря которому мы видим?» — мы ответили бы ему, что глаза проясняют нам вещи с помощью ощущения. И если бы он снова спросил нас: «Что ж, поскольку благодаря слуху слышится слышимое, то как устроен наш слух?» — мы ответили бы ему, что уши доносят до нас звуки с помощью ощущения. Точно таким же образом он мог бы спросить нас: «Раз узаконенное узаконивается законом, в чем состоит сущность закона и узаконения? В некоем ли ощущении или раскрытии — наподобие того, как изучаемое изучается с помощью науки, раскрывающей его суть, или же в каком-то поиске, раскрывающем искомое,— так, как
врачебное искусство различает здоровое и больное, а искусство прорицания раскрывает (по утверждению самих прорицателей) замыслы богов? Ведь некое искусство помогает нам раскрывать [сущность] вещей? Или это не так?»
Друг. Так, несомненно.
Сократ. Чему же из перечисленного мы преимущественно придадим значение закона?
Друг. Я думаю, известным положениям и постановлениям. Что же еще можно было бы назвать законом? Возможно, то, о чем ты спрашиваешь,— закон в его целом — есть не что иное, как уложение государства?
Сократ. Следовательно, ты называешь законом мнение государства?
Друг. Да, разумеется.
Сократ. Может статься, ты прав, но, возможно, мы поймем это лучше таким образом: называешь ли ты кого мудрым?
Друг. Да, конечно.
Сократ. А мудрые мудры благодаря мудрости?
Друг. Да.
Сократ. Ну а справедливые справедливы благодаря справедливости?
Друг. Безусловно.
Сократ. Значит, и уважающие закон таковы благодаря законности?
Друг. Да.
Сократ. А беззаконные таковы вследствие беззакония?
Друг. Да.
Сократ. Ну а люди, уважающие закон, справедливы?
Друг. Да.

STATIO ANTIQVITATIS

Сократ. А не уважающие его несправедливы?
Друг. Да, несправедливы.
Сократ. Значит, справедливость и закон — самые прекрасные вещи?
Друг. Так.
Сократ. А самые постыдные — несправедливость и беззаконие?
Друг. Да.
Сократ. И первые сохраняют государство, а также все остальное, вторые же его губят и ниспровергают?
Друг. Да.
Сократ. Какой же прекрасной вещью должны мы считать закон и каким благом его исследование!
Друг. Как же иначе?
Сократ. Итак, мы сказали, что закон — это уложение государства?
Друг. Да, сказали.
Сократ. Но ведь могут быть хорошие уложения и плохие?
Друг. Разумеется.
Сократ. А ведь закон у нас не был чем-то плохим?
Друг. Не был.
Сократ. Значит, неправильно так вот без обиняков говорить, что закон — это уложение государства.
Друг. Да, и мне это кажется неверным.
Сократ. Следовательно, это не вяжется: плохое уложение не может быть законом.
Друг. Конечно, нет.
Сократ. Однако мне и самому все-таки кажется, что закон — это некое мнение. Но так как оно не может быть плохим, то разве не становится нам ясным, что речь идет о полезном мнении, если только закон — это мнение?
Друг. Да, это ясно.
Сократ. А что такое полезное мнение? Не истинное ли?
Друг. Да.
Сократ. Значит, полезное мнение — это выяснение сущего?
Друг. Именно так.
Сократ. Следовательно, закон стремится к тому, чтобы выяснить сущее.
Друг. Но как же тогда, мой Сократ, если закон — это выяснение сущего, мы не всегда пользуемся одними и теми же законами для одних и тех же вещей? Ведь мы находим при этом то, что существует?
Сократ. Тем не менее закон устремлен к поискам сущего. Мы же, люди, пользуясь, по-видимому, не всегда одними и теми же законами, не всегда можем найти то, к чему стремится закон,— сущее. Так давай же посмотрим, не станет ли нам из этого ясным, всегда ли мы пользуемся одними и теми же законами или в каждом отдельном случае другими, а также все ли мы пользуемся одними и теми же законами, или одни пользуются одними, а другие — другими.
Друг. Но это, мой Сократ, нетрудно понять, а именно что далеко не всегда одни и те же люди пользуются одними и теми же законами, как и то, что разные люди пользуются разными законами. Да вот ближайший пример: у нас закон не допускает человеческие жертвоприношения, и это считается нечестьем, а карфагеняне приносят в жертву людей, ибо это слывет у них законным и благочестивым; некоторые из них приносят даже своих сыновей в жертву Кроносу — быть может, ты и сам об этом слыхал. И мало того что варвары живут по иным законам, чем мы, но ты, видно, слышал, какие жертвы приносят жители Ликеи, а также потомки Афаманта, хотя они и эллины. Да, верно, ты также слышал и знаешь, какие у нас самих приняты были прежде обычаи в отношении умерших: перед выносом тела мы закалывали жертвенных животных и посылали вслед за процессией кропительниц жертвенной крови; а люди, жившие здесь еще раньше, совершали захоронение

STATIO ANTIQVITATIS

прямо в доме, мы же не делаем ничего подобного. Можно привести множество таких примеров, с их помощью мы очень легко докажем, что как мы сами не придерживаемся во все времена одних и тех же обычаев, так и различные люди не бывают в этом между собой согласны.

Сократ. Нет ничего удивительного, достойнейший друг, если ты прав, а от меня это ускользнуло: когда ты излагаешь свое мнение в длинной речи, а я тебе отвечаю тем же, нам трудно, думаю я, о чем-то договориться; если же мы будем рассматривать вопрос сообща, мы скорее всего придем к соглашению. Итак, коли ты желаешь, рассмотри это вместе со мной, либо спрашивая меня, либо отвечая на мои вопросы.

Друг. Но я готов, мой Сократ, отвечать на любые твои вопросы.

Сократ. Так вот, ответь, считаешь ли ты справедливое несправедливым и несправедливое справедливым, или же, по твоему мнению, справедливое справедливо, а несправедливое несправедливо?

Друг. Я считаю справедливое справедливым и несправедливое несправедливым.

Сократ. Что же, у всех людей существует на этот счет такое же мнение, как среди здешних?

Друг. Да.

Сократ. Значит, и среди персов?

Друг. И среди персов.

Сократ. И разумеется, во все времена?

Друг. Да.

Сократ. То, что потянет на весах больше, считается здесь более тяжелым, а то, что меньше,— более легким, или наоборот?

Друг. Нет, то, что потянет больше, считается более тяжелым, то же, что меньше,— более легким.

Сократ. И точно так же и в Карфагене и в Ликее?

Друг. Да.

Сократ. Похоже, что прекрасное повсюду считается прекрасным и безобразное — безобразным, а не наоборот: безобразное — прекрасным и прекрасное — безобразным.

Друг. Да, верно.

Сократ. Значит, если это обобщить, существующее признается существующим, а несуществующее — несуществующим — как у нас, так и у всех прочих народов.

Друг. Мне кажется, это так.

Сократ. Значит, тот, кто погрешает против сущего, погрешает против общепринятого закона.

Друг. Именно этим, мой Сократ, всегда представляется общепринятый обычай и нам, и всем остальным людям — в полном согласии с твоими словами. Но когда я подумаю, что мы без конца то так то сяк применяем законы, мне трудно в это поверить.

Сократ. Однако, быть может, ты не принимаешь в расчет, что, сколько их ни переставляют, подобно шашкам, законы остаются все теми же. Но рассмотри это внимательно вместе со мной. Случалось тебе когда-либо читать сочинение о здоровье больных людей?

Друг. Да, конечно.

Сократ. Знаешь ли ты, какое искусство породило это писание?

Друг. Знаю — врачебное.

Сократ. Итак, называешь ли ты врачей знатоками в этом предмете?

Друг. Называю.

Сократ. Ну а знатоки об одном и том же думают одинаково, или одни считают одно, другие — другое?

Друг. Мне кажется, они думают одинаково.

Сократ. Только ли эллины думают одинаково с эллинами о том, что они знают, или же и варвары с варварами, а также с эллинами?

STATIO ANTIQVITATIS

Друг. В высшей степени неизбежно, чтобы знатоки — будь то эллины или варвары — были единодушны в своих суждениях.
Сократ. Ты отлично ответил. И так должно быть всегда?
Друг. Да, всегда.
Сократ. Значит, и врачи пишут о здоровье то, что они считают существующим?
Друг. Да.
Сократ. А ведь эти сочинения относятся к врачебному искусству и представляют собой для врачей законы лечения.
Друг. Да, они относятся к искусству врачевания.
Сократ. Значит, сочинения по земледелию — это законы землепашцев?
Друг. Да.
Сократ. А кому принадлежат сочинения и узаконения по разбивке садов?
Друг. Садовникам.
Сократ. Значит, это у нас садоводческие законы?
Друг. Да.
Сократ. Законы тех, кто умеет надзирать за садами?
Друг. Как же иначе?
Сократ. А ведь садовники — знатоки своего дела.
Друг. Да.
Сократ. Ну а кому принадлежат сочинения и законы, касающиеся приготовления приправ?
Друг. Поварам.
Сократ. Значит, это поварские законы?
Друг. Да, поварские.
Сократ. По-видимому, это законы тех, кто разбирается в приготовлении пищи?
Друг. Да.
Сократ. Значит, повара, как они это и утверждают, являются знатоками?
Друг. Да, они — знатоки.
Сократ. Ладно. Ну а кому же принадлежат сочинения и законы по управлению государством? Разве не знатокам государственного правления?
Друг. Мне кажется, да.
Сократ. Являются ли знатоками в этом деле политики и люди, обладающие царской властью, или кто-то другой?
Друг. Нет, именно они.
Сократ. Следовательно, то, что люди называют законами, это политические сочинения царей и благородных мужей.
Друг. Ты прав.
Сократ. С другой стороны, знатоки ведь не пишут об одном и том же то одно, то другое?
Друг. Нет, конечно.
Сократ. И они ведь не станут всячески изменять установления, относящиеся к одному и тому же?
Друг. Разумеется, нет.
Сократ. Итак, если мы увидим, что некоторые из них в каких-то случаях это делают, назовем ли мы подобных людей знатоками или скорее невеждами?
Друг. Конечно, невеждами.
Сократ. Значит, мы назовем законным лишь то, что правильно, будь это во врачевании, в поварском или садоводческом деле?
Друг. Да.
Сократ. А то, что неправильно, мы уже не назовем законным?
Друг. Ни в коем случае.
Сократ. Ведь оно является незаконным.
Друг. Неизбежно.

STATIO ANTIQVITATIS

Сократ. Значит, и в сочинениях о справедливом и несправедливом, а также об устроении государства вообще и о том, как следует им управлять, правильное будет царским законом, неправильное же, то, что кажется законом людям несведущим, не будет, ведь оно беззаконно.
Друг. Это верно.
Сократ. Следовательно, мы верно признали, что закон — это нахождение сущего.
Друг. Очевидно.
Сократ. Рассмотрим же в отношении него и следующее: кто из знатоков разбрасывает по земле семена?
Друг. Землепашец.
Сократ. Он же и решает, какие семена подходят какой земле?
Друг. Да.
Сократ. Следовательно, землепашец — хороший распорядитель посева и его законы и установления в этом деле правильны?
Друг. Да.
Сократ. Ну а кто является достойным распорядителем музыкального сопровождения песен и распределяет его подобающим образом? И чьи законы при этом верны?
Друг. Законы флейтиста и кифариста.
Сократ. Значит, тот, кто более других в этом сведущ, является и самым лучшим флейтистом?
Друг. Да.
Сократ. А кто наилучшим образом распределяет питание для человеческих тел? Не тот ли, кто предписывает им подходящую пищу?
Друг. Да.
Сократ. Следовательно, его установления и законы — наилучшие, и тот, кто в этих законах наиболее сведущ, является здесь самым достойным распорядителем.
Друг. Несомненно.
Сократ. И кто же это такой?
Друг. Учитель гимнастики.
Сократ. Он лучше других умеет распоряжаться человеческим стадом в отношении тела?
Друг. Да.
Сократ. Ну а как будет имя тому, кто лучше всего умеет распоряжаться стадом мелкого скота?
Друг. Пастух.
Сократ. Значит, для мелкого скота наилучшими будут законы пастуха?
Друг. Да.
Сократ. А для быков — законы волопаса?
Друг. Да.
Сократ. Ну а чьи законы будут лучшими для человеческих душ? Разве не законы царя? Скажи.
Друг. Да, я это подтверждаю.
Сократ. И хорошо делаешь. А можешь ли ты сказать, кто из древних был достойным законодателем в игре на флейте? Возможно, тебе не приходит на ум, но я, если хочешь, тебе напомню.
Друг. Да, напомни, пожалуйста.
Сократ. Такими знатоками слывут Марсий и его любимец — фригиец Олимп.
Друг. Это правда.
Сократ. Ведь божественна и музыка, исполнявшаяся ими на свирели,— более божественна, чем у других; только она трогает души и показывает, что в ней принимают участие боги; и в наше время только их музыка сохранилась как музыка богов.
Друг. Истинная правда.

Сократ. Ну а кто из древних царей считается достойным законодателем — тем, чьи уложения и сейчас сохраняются как божественные?
Друг. Мне невдомек.
Сократ. Разве ты не знаешь, у кого из эллинов в ходу древнейшие законы?
Друг. Ты, значит, говоришь о лакедемонянах и законах Ликурга?
Сократ. Да им, быть может, нет еще и трехсот лет, или же они немногим старше. Но из этих законоположений откуда явились лучшие? Ты знаешь?
Друг. Говорят, что с Крита.
Сократ. Значит, критяне пользуются древнейшими законами среди всех эллинов?
Друг. Да.
Сократ. А ты знаешь, кто были лучшие цари Крита? Минос и Радамант, сыновья Зевса и Европы, и им-то и принадлежат эти законы.
Друг. Говорят, мой Сократ, что Радамант был справедливым мужем, Минос же был жесток, суров и несправедлив.
Сократ. Ты, мой добрейший, вспоминаешь аттический миф, из трагедии.
Друг. Как? Разве не таким слывет Минос?
Сократ. У Гомера и Гесиода — нет. А ведь они больше заслуживают доверия, чем все трагические поэты, вместе взятые, ты ведь утверждаешь это с их слов.
Друг. Но что же говорят о Миносе Гомер и Гесиод?
Сократ. Я скажу тебе, дабы ты не кощунствовал, подобно многим. Ведь нет ничего более кощунственного, чем оскорбление богов словом или делом: этого надо избегать всеми силами; во вторую очередь надо остерегаться оскорблять божественных людей. Всегда нужно соблюдать великую осмотрительность, если ты намерен выразить порицание или воздать хвалу человеку,— дабы не ошибиться. Во имя этого надо учиться различать достойных и скверных людей. Божество гневается, когда кто-либо порицает того, кто подобен богу,— это ведь человек достойный — или хвалит того, кто богопротивен. Не думай, будто есть священные камни, деревянные предметы, птицы и змеи, но не бывает священных людей: самое священное — это хороший человек, а самое скверное — человек дурной. И по поводу Миноса, поскольку его прославляют Гомер и Гесиод, я скажу, что ты, будучи человеком, не смеешь оскорблять словом героя, сына самого Зевса.
Гомер, говоря о Крите, что там живет много людей и находится «девяносто городов», продолжает рассказывать:

Был там город великий Кносс, а в нем царствовал Минос
Девятилетний, с Зевсом могучим общаясь.

Гомер воздает эту краткую хвалу Миносу, и более он не сочинял ничего похожего ни о ком из других героев. А то, что Зевс — учитель мудрости и искусство его прекрасно, он заявляет во многих местах, не только здесь. Он говорит, что в [каждый] девятый год [своего царствования] Минос беседовал с Зевсом и отправлялся к нему с намерением у него учиться, поскольку Зевс учит мудрости. И так как подобную честь — быть учеником самого Зевса — Гомер не приписал более никому из своих героев, но одному только Миносу, похвала его поразительна. А в «Одиссее», в «Жертвоприношении теням», Гомер изображает Миноса, творящего суд, с золотым скипетром в руке; речь идет здесь именно о Миносе, а не о Радаманте: Гомер не только в этом месте, но и нигде больше не изображает Радаманта ни судьею, ни собеседником Зевса. Поэтому-то я и говорю, что наивысшую хвалу Гомер воздал Миносу. Ведь нельзя превознести кого-либо выше, чем сказав, что он, будучи сыном Зевса, единственный из детей Зевса был также его учеником. Именно это означают слова:

Царствовал девятилетний, с Зевсом могучим общаясь.

Они повествуют о том, что Минос был другом и собеседником Зевса. Ведь слово ôaroi означает «беседы», а Ñarist»j — это «товарищ по рассуждениям». Следовательно, каждый девятый год Минос посещал жилище Зевса и, чтобы поучиться одному и отчитаться в

другом — в том, чему он обучился у Зевса в предыдущее девятилетие. Некоторые толкуют слово oaristes как «сотраперник» и «соучастник забав» Зевса, но можно привести доказательство того, что эти толкователи несут вздор: хотя и эллинов и варваров живет на Земле великое множество, никто из них не воздерживается от пиршеств и такой забавы, как винопитие, кроме критян и лакедемонян, научившихся этому у критян. На Крите среди законов, установленных Миносом, существует один, запрещающий совместную попойку до опьянения. Но ведь ясно: то, что Минос считал прекрасным, это он и предписывал своим согражданам в виде закона. Не может же быть, чтобы он, как последний из людей, считал верным одно, а делал другое вопреки своим убеждениям. Поэтому-то его общение с Зевсом и было тем, что я говорю: целью его были рассуждения ради воспитания в добродетели. С тех пор как Минос установил законы для своих сограждан, Крит, а также Лакедемон во все времена процветают — стоило им только начать пользоваться этими законами, ибо они божественны. Радамант был достойным мужем, коль скоро его учил Минос, однако он воспринял от него царское искусство не полностью, но лишь его служебную часть, а именно умение вершить суд, поэтому-то он и слыл справедливым судьей. Минос использовал его как стража законов в столице, в остальных же местах острова таким стражем был Талос. Последний три раза в год обходил все селения, блюдя в них законы, которые были записаны на медных табличках и отсюда получили наименование «медных». И Гесиод рассказывает о Миносе подобные вещи. Упомянув его имя, он говорит:

Царственнейшим он родился средь смертных царей величайших,
Множеством новелевал кругом обитавших народов,
Скипетр Зевеса держал и правил с ним городами.

Говоря о «скипетре Зевеса», Гесиод имеет в виду не что иное, как воспитание Зевса, с помощью которого Минос правил Критом.

Друг. А откуда же, мой Сократ, взялась эта молва о Миносе — будто он был суров и неотесан?

Сократ. Если ты, мой достойнейший друг, будешь рассудителен, ты и сам станешь остерегаться — как и всякий другой, кому дорога добрая слава,— навлечь на себя ненависть какого-нибудь поэта. Ведь поэты всемогущи в отношении молвы: они могут создать человеку любую славу, либо превознося его, либо, напротив, браня в своих сочинениях. Минос сделал ошибку, пойдя войной против нашего города, славящегося великой мудростью и разнообразными поэтами, творящими как в других видах поэзии, так и особенно в трагическом. Ведь трагедия существует у нас издревле, она берет начало не от Феспида, как думают, и не от Фриниха но, если ты хорошенько поразмыслишь, ты обнаружишь, что это — древнейшее изобретение нашего города: трагедия — самая народная и увлекающая души поэзия; в ней-то мы и отмщаем Миносу за то, что он принудил нас платить ему тогда дань. Вот какой промах допустил Минос, вызвав нашу ненависть, и потому (я отвечаю на твой вопрос) он обрел среди нас эту дурную славу. В то же время вернейшим знаком того, что он был человеком достойным и уважавшим законы и, как мы говорили раньше, хорошим пастырем и распорядителем, служит нерушимость его законов, в которых он правильно и по истине определил сущность управления государством.

Друг. Мне кажется, мой Сократ, ты молвил верное слово.

Сократ. Так если я говорю правду, не кажется ли тебе, что критяне — сограждане Миноса и Радаманта — пользуются древнейшими законами?

STATIO ANTIQVITATIS

Друг. Да, это очевидно.
Сократ. Они оказались достойнейшими законодателями из древних, пастырями и наставниками людей, подобно тому как Гомер называет хорошего военачальника «пастырем народов».
Друг. Это очень хорошо сказано.
Сократ. Смотри же, во имя Зевса — покровителя дружбы: если бы кто спросил нас, что это такое, с помощью чего хороший законодатель и пастырь, отдавая распоряжения в отношении тела, делает его более крепким, ответили бы мы верно и кратко, что это питание и работа, причем, увеличивая одно и упражняя человека в другом, законодатель восстанавливает само его тело?
Друг. Да, это верно.
Сократ. А если бы этот человек вслед за тем спросил: «Ну а с помощью чего же именно хороший законодатель и пастырь, уделяя это душе, делает ее более добродетельной?» — что ответили бы мы, не посрамив ни самих себя, ни свой возраст?
Друг. Я пока не знаю, что мне сказать.
Сократ. Однако постыдно будет для души каждого из нас оказаться невежественным в том, в чем заключено как душевное добро, так и зло, в то время как мы усмотрели все, относящееся к телу и к остальному.

Перевод С.Я. Шейнман-Топштейн

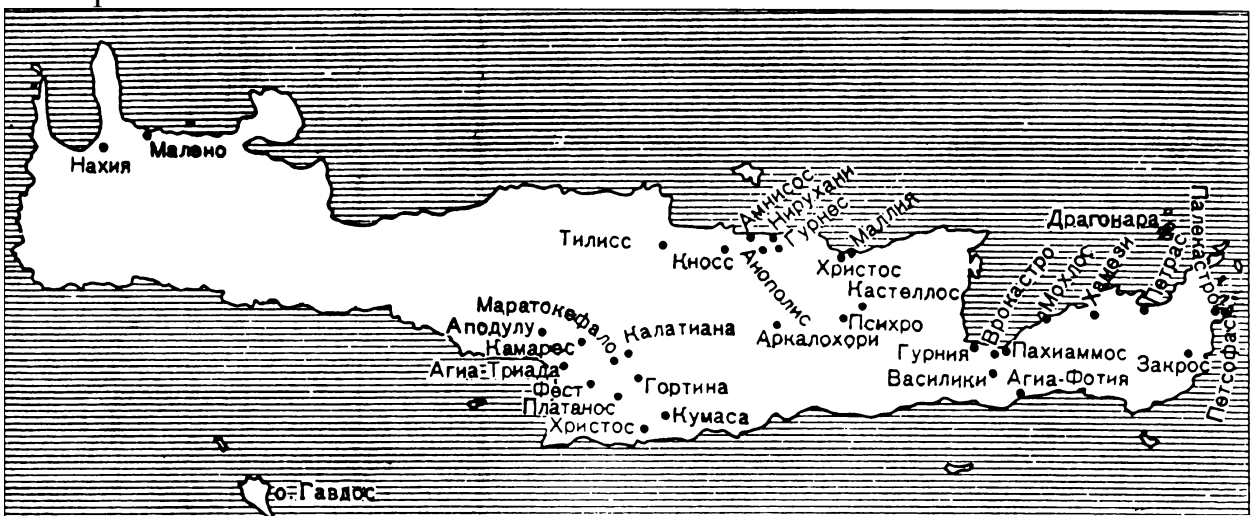
Вопрос по тексту источника:

1. Как воспринимался Минос в эпоху классической Греции (V-IV вв до н.э.)?

Обобщающие вопросы по источникам:

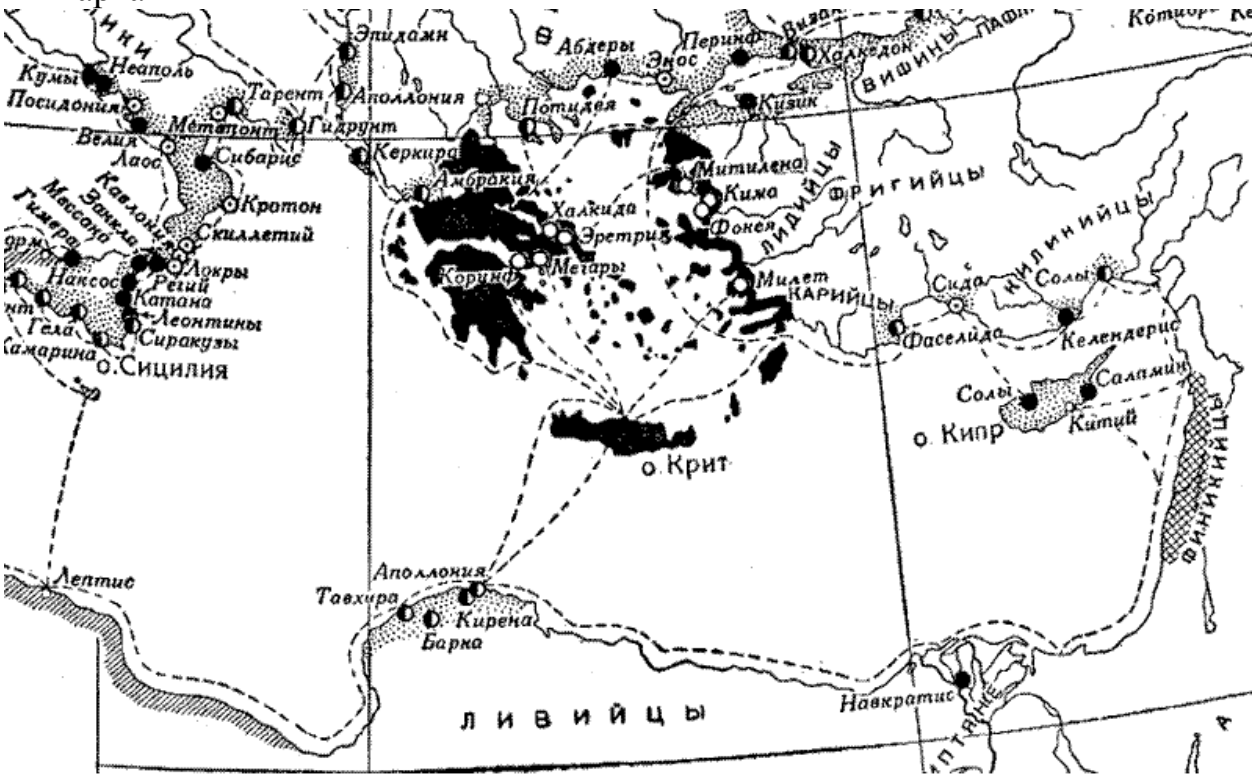
1. Насколько можно доверять сведениям приведенных выше исторических источников? ***В чем их общие особенности?*** В чем различия?
2. На основе прочитанных текстов попробуйте реконструировать раннюю историю Крита. Какие события, судя по мифологическим данным, сопровождали появление государства на Крите?
3. Попробуйте составить «биографию» Миноса. Какие предположения можно сделать об историчности Миноса?
4. Основываясь на текстах источников, обозначьте примерный круг территорий, с которыми контактировали минойцы. Найдите основные города и территории на карте. Что можно сказать о характере контактов критян с этими регионами?
5. Какими сведениями историки располагают о политической истории Крита? ***Каких можно назвать царей?*** С чем в источниках связывается окончание господства минойцев? Как эта информация соотносится с современными археологическими данными?

Карта 1



Задание по карте 1:
Найдите на карте четыре дворцовых комплекса Крита.

Карта 2



Задание по карте 2:
Подумайте, как повлияло географическое положение Крита на его историческое развитие. Найдите области, с которыми Крит поддерживал торговые и культурные связи: Египет, Кипр, Финикию, Ливию, побережье Малой Азии, Эгейские острова, материковую Грецию, Сицилию.

STATIO ANTIQVITATIS

Карта 3

Задание по карте 3:
Найдите на карте объекты экспансии Крита в Эгейском море: Кикладские острова (отдельно – о. Феру), Аттику (Афины), Пелопоннес (Микены, Коринф).

STATIO ANTIQVITATIS